

оригинальная статья

Целеполагание в сфере правосудия и функциональная направленность судебной политики в период консолидации советского государственно-правового режима

Гаврилов Станислав Олегович

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

<https://orcid.org/0000-0003-0748-1217>

gavrosh66@mail.ru

Величко Алексей Михайлович

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

Поступила в редакцию 19.12.2021. Принята после рецензирования 10.01.2022. Принята в печать 17.01.2022.

Аннотация: На основе характеристики содержания нормативных правовых актов 1917–1920 гг. дается оценка доктринальных основ правосудия на этапе становления советского политического режима. Анализируются проблемы целеполагания советского правосудия. Охарактеризована система народных судов и чрезвычайной юстиции исследуемого периода. Рассматриваются основные функции судебных органов: репрессивная функция; правосудие, реализуемое в деятельности народных судов; законотворческая функция; доступность правосудия; поголовное привлечение трудящихся к исполнению судебных обязанностей; замена системы уголовных наказаний мерами общественного воздействия, – и оценивается эффективность их реализации. Формулируются выводы о том, что целеполагание в сфере правосудия осуществлялось эмпирически, в зависимости от конкретно-исторических условий, а основные функции административных органов и учреждений юстиции в сфере правосудия оказались деформированными, полностью или частично, так как требуемые условия их реального осуществления не были созданы по объективным или субъективным причинам. В период гражданской войны в полной мере была реализована только репрессивная функция. Отмечено явное противоречие между учредительными нормами советского законодательства о суде и правовыми реалиями эпохи гражданского противостояния.

Ключевые слова: народные суды, революционные трибуналы, революционное правосознание, доступность правосудия, правопонимание

Цитирование: Гаврилов С. О., Величко А. М. Целеполагание в сфере правосудия и функциональная направленность судебной политики в период консолидации советского государственно-правового режима. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 1. С. 49–54. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-1-49-54>

original article

Legal Goal-Setting and the Function of Judicial Policy at the Stage of Consolidation of the Soviet Legal Regime

Stanislav O. Gavrilov

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0748-1217>

gavrosh66@mail.ru

Alexey M. Velichko

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Received 19 Dec 2021. Accepted after peer review 10 Jan 2022. Accepted for publication 17 Jan 2022.

Abstract: The present research featured the regulatory legal acts of 1917–1920 and the doctrinal foundations of justice during the formation of the Soviet political regime. The article concentrates on the problems of goal-setting of the Soviet legal system, the system of people's courts, and the crisis legislation of the period under review. The main functions of the judiciary system included: repressions; justice represented by people's courts; legislation; accessibility of justice; total involvement of workers in judicial duties; replacement of the system of criminal penalties with measures of peer pressure, and their effective implementation. The analysis showed that the legal goal-setting was performed empirically, depending on specific historical conditions. The main functions of administrative bodies and courts were deformed because no conditions for their implementation were provided for objective or subjective reasons. Only the repressive function was fully realized during the Civil War. The constituent norms of the Soviet legislation on the court contradicted with the legal realities of the era of civil confrontation.

Keywords: people's courts, revolutionary tribunals, revolutionary legal consciousness, accessibility of justice, legal understanding

Citation: Gavrilov S. O., Velichko A. M. Legal Goal-Setting and the Function of Judicial Policy at the Stage of Consolidation of the Soviet Legal Regime. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(1): 49–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-1-49-54>

Введение

По мнению В. В. Трофимова, с которым мы полностью солидарны, под научно-доктринальными основами правосудия следует понимать систему теоретических и эмпирических знаний, способствующих целенаправленной разработке, принятию и эффективной реализации правовых решений, обеспечивающих правоохранительной и правоприменительной деятельности, в результате которой проявляется судебная власть [1, с. 9].

Настоящее исследование посвящено характеристике системы целеполагания и функциональной направленности правосудия в условиях становления советского государственно-правового режима. В первую очередь необходимо отметить, что изначальной доктринальной основой советского правосудия стали теоретические положения идеологии марксизма, политико-правовые воззрения носителей этой идеологии. Далеко не случаен тот факт, что конкретные цели правосудия были определены в программе РКП(б), принятой на VIII съезде большевистской партии в марте 1919 г. К ним были причислены упрощение устройства судебной системы, призванное обеспечить абсолютную его доступность для населения и исключение судебной волокиты, «поголовное привлечение» трудящихся города и деревни к осуществлению судебных полномочий и переход к выборности судей исключительно из их числа и в перспективе замена системы уголовных наказаний системой мер воспитательного характера.

Материалы и методы

Системно-комплексный подход как основное теоретическое основание работы использовался при анализе целеполагания политики большевистского руководства в сфере судостроительства и функций российского правосудия в период революционной модернизации.

В процессе исследования, помимо общенаучных методов (анализа и синтеза, индукции и дедукции, восхождений от абстрактного к конкретному), применялись формально-догматический метод и методы сравнительно-правового и историко-правового анализа. Авторы руководствовались диалектическим пониманием процесса исторического развития, основанным на признании обусловленности, закономерности событий и явлений в истории. Диалектический подход в оценке соотношения общего и особенного в историческом

процессе дал возможность выявить специфические особенности судебной системы рассматриваемого периода, проследить изменения в ее доктринальных основах, функциональной направленности деятельности, определить динамику государственной политики в сфере юстиции.

Основными методологическими принципами авторского анализа являлись принципы историзма, научной объективности и достоверности. Следование принципу историзма позволило осуществить научную характеристику предмета исследования в динамике, подразумевая при этом тесную взаимосвязь с предшествующими и последующими особенностями политики российского государства в сфере правосудия.

Целеполагание в сфере советского правосудия

Смысл правосудия заключается в принятии справедливых, обоснованных и правомерных решений. Программа РКП(б), принятая в период разрастания гражданского противостояния, отвергая гарантии «буржуазного» правосудия, сводила последнее исключительно к его доступности, поскольку декларируемые в ней цели, за исключением, пожалуй, последней, касались лишь построения системы правосудия, его организации¹. О самом человеке, необходимости реализации его законных прав и интересов делегаты VIII съезда просто не задумывались. Данный пробел был в незначительной степени восполнен лишь в узаконениях, определивших нормативные основания деятельности революционных трибуналов.

В соответствии с Декретом о суде № 1 революционные трибуналы учреждались для борьбы против контрреволюционных сил и разрешения дел, связанных с саботажем, «хищничеством» и мародерством². В соответствии со следующим Декретом ВЦИК, датированным 12 апреля 1919 г., к юрисдикции ревтрибуналов были отнесены дела о контрреволюционных и иных деяниях, ослабляющих силу и авторитет революционной власти. В Декрете ВЦИК от 18 марта 1920 г. «О революционных трибуналах (Положение)» указывалось на то, что трибуналы создаются для рассмотрения уголовных дел, направляемых к ним чрезвычайными комиссиями и особыми отделами.

Налицо попытка формулировки новой специальной цели – рассмотрение уголовных дел, впрочем попытка не совсем удачная. Любая цель детерминируется с учетом

¹ Программа РКП(б). 1919. *ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: (1898–1939)*. Ч. 1: 1898–1925. 6-е изд., доп. М.: Госполитиздат, 1940. С. 288.

² О суде. Декрет СНК от 24 ноября 1917 г. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. *Судебная власть в России: история, документы*. Т. 5: *Советское государство*. М.: Мысль, 2003. С. 48.

конкретно ориентированных результатов работы. Здесь же цель правосудия подменяется предметом деятельности, а собственно цель отсутствует.

На наш взгляд, содержание Декрета 1920 г. о ревтрибуналах позволяет определить важнейшую действительную цель правосудия революционной России следующим образом: минимизация количества активных выступлений различных социальных групп против большевистского режима. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в Декрете от 18 марта 1920 г. категорически отвергаются все существовавшие ранее процедуры защиты частных интересов. Интересно мнение М. Н. Марченко: «при этом огромную роль сыграли слова В. И. Ленина о том, что советская власть не признает ничего частного и что в социалистическом хозяйстве есть только "публично-правовое, а не частное"» [2, с. 247]. В результате революционные трибуналы по своему собственному усмотрению решали вопрос о допуске на процесс защитника (ст. 17). Приговор трибуналов выносился не только с учетом оценки обстоятельств дела, но и «согласно пролетарской совести» (ст. 24). Наконец, на усмотрении трибуналов оставался вопрос о необходимости исследования всех доказательств, собранных следствием: если в вопросе, по мнению трибунала, была достигнута «полная ясность» – без этого можно было и обойтись. Собственно обеспечение прав подсудимого сводилось только к опросу свидетелей и его последнему слову³.

Реализация цели превенции контрреволюционных преступлений осуществлялась с помощью репрессивных действий в рамках политики красного террора. С учетом данного обстоятельства для окончательного установления ее содержания следовало бы прояснить целевую направленность этой политики. В Постановлении «О красном терроре», принятом Советом Народных Комиссаров РСФСР 5 сентября 1918 г., цель четка и недвусмысленна: подавление антибольшевистских выступлений⁴. На этом, кстати, акцентируют внимание критики большевиков. Обращение же к работам В. И. Ленина позволяет сформулировать ее несколько иначе.

«Репрессии есть защита рабочего класса от эксплуататоров, есть подавление сопротивления эксплуататоров, на сторону которых становятся эсеры, меньшевики, ничтожное число ... рабочих»⁵. «Я рассуждаю трезво и категорически: что лучше – посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев или рабочих? Первое лучше. И пусть меня обвинят в каких угодно смертных грехах и нарушениях свободы – я признаю себя виновным, а интересы народа выиграют»⁶.

Итак, основатель пролетарского государства делает акцент не на подавлении, а на защите. С такой постановкой вопроса был согласен и Л. Д. Троцкий: «красный террор вырос не из природы большевизма, а из стремления буржуазии опрокинуть советский режим» [3, с. 52].

Вторая, лишенная идеологического подтекста, цель большевистского, впрочем, как и любого другого, правосудия заключалась в разрешении конфликтов, объективно возникающих между участниками конкретных правоотношений и в установлении юридической ответственности за совершение деликтов, подлежащих ведению народных судов. Необходимо обратить внимание на одну интересную деталь, отмеченную исследователем В. М. Сырых: в Декрете о суде № 2, принятом 15 февраля 1918 г., используется формулировка, что народные суды рассматривают уголовные и гражданские дела «с использованием демократических процедур и гарантий». Мнение В. М. Сырых о том, что включение в декрет столь непривычной для эпохи террора фразы обусловлено влиянием мировоззрения партии «левых» эсеров, чей представитель И. З. Штейнберг до 15 марта 1918 г. возглавлял Наркомат юстиции, вполне объективно: в последующих большевистских узаконениях подобного «либерализма» уже не присутствует [4, с. 250].

В период между принятием Декрета о суде № 2 и Декрета о суде № 3 суды в своих решениях могли ссылаться на дореволюционные узаконения, что также является фактом эсеровского «вольномыслия». Вместе с тем подобные ссылки были не просто целесообразны, но и необходимы: все законодательство ранних Советов страдало пробельностью и противоречивостью, преодоление которых представляло собой еще одну значимую цель советского правосудия рассматриваемого периода [5, с. 44]. Устранение И. З. Штейнберга оставляло лишь одну возможность реализации данной цели, что и было сделано. Декрет ВЦИК «О народном суде РСФСР (Положение)» от 30 ноября 1918 г. предоставил народным судам право, основываясь на собственном революционном правосознании, самостоятельно закрывать эти пробелы⁷.

Не следует обходить вниманием и те идеологизированные цели, которые были зафиксированы в Программе РКП(б). Отметим, что задача обеспечения доступности правосудия населению на протяжении всего рассматриваемого периода оставалась практически неразрешимой в силу крайне низкой правовой культуры последнего.

Цель «поголовного привлечения трудящихся» к отправлению правосудия, по сути, дублировала содержание 5-го Апрельского тезиса 1917 г., получившего известность как «тезис о кухарке». Нельзя сказать, что формулировка этой цели была простой декларацией: большевики

³ О революционных трибуналах (Положение). Декрет ВЦИК от 18 марта 1920 г. Там же. С. 108–109.

⁴ О красном терроре. Постановление СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. Там же. С. 74.

⁵ Ленин В. И. Письмо к английским рабочим. Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 41. С. 127.

⁶ Ленин В. И. Заключительное слово по докладу на Пленуме ВЦСПС. Там же. Т. 38. С. 295.

⁷ О народном суде РСФСР (Положение). Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. Судебная власть в России: история, документы. Т. 5. С. 77–84.

действительно пытались достигнуть чего-то подобного за счет определенных организационно-правовых мер, но в условиях абсолютного доминирования обыденного правосознания населения все эти усилия оставались тщетными [6, с. 17]. Достаточно вспомнить недолгую историю системы «рабочего контроля» по управлению производством и распределением, для того чтобы понять, что рассчитывать на правосудность решений пролетарских судов было абсолютно бесперспективно.

Наконец, следует указать и на невозможность достижения такой цели правосудия, как постепенная замена системы наказаний воспитательными мерами. Главными препятствиями в этом оставались общая репрессивная направленность внутренней политики в условиях разгоравшегося социального противостояния, отсутствие материально-кадрового обеспечения подобной трансформации. Дополнительным барьером здесь становилось и явное противоречие с ранее упомянутой целью защиты рабоче-крестьянского государства, реализация которой была невыполнима с помощью одних лишь мер воспитательного воздействия.

Функции советского правосудия на этапе консолидации большевистского государственно-правового режима

Характеристика доктринальных оснований советского правосудия в первые годы существования большевистского режима была бы неполной без обращения к анализу его функциональной направленности. По нашему мнению, рациональным основанием для классификации функций является критерий целеполагания: вполне естественно, что каждая из целей, о которых шла речь выше, достигается посредством реализации конкретной функции как направления деятельности.

Исходя из этого, основной функцией правосудия на этапе консолидации советского государственно-правового режима становилась репрессивная функция, проявлявшая себя в первую очередь в мероприятиях по созданию системы чрезвычайной юстиции. Результаты успешности деятельности большевистского руководства сложно оценить однозначно. Система политической полиции в лице ВЧК приобрела достаточно логичный и заверченный характер, позволяя успешно справляться с возложенными на нее обязанностями предотвращения либо минимизации открытых оппозиционных выступлений [7, с. 8]. Что же касается системы революционных трибуналов, то здесь ситуация складывалась прямо противоположная.

Декрет о суде № 1, провозгласив создание трибуналов, оставил открытыми вопросы порядка их создания, прав участников процесса, определения санкций, находящихся в распоряжении членов трибуналов. Все эти пробелы были частично устранены с принятием в декабре 1917 г. Инструкции Наркомата юстиции⁸. Впрочем, поскольку речь шла не о новом

узаконении, а лишь о подзаконном акте, принятом ведомственным органом, многие «бреши» в нормативном регулировании трибуналов так и не были устранены. Черета принятия новых подзаконных актов, принимаемых достаточно хаотично, продолжалась. Декретом СНК от 4 мая 1918 г. трибуналы дозволялось создавать лишь в крупных административных центрах, прочие же должны были быть расформированы. Явно противоречили друг другу циркуляр Кассационного отдела ВЦИК (октябрь 1918 г.) и постановление РВС о порядке организации и деятельности революционных военных трибуналов (февраль 1919 г.) [8, с. 182].

Принятие первых законодательных актов в данной области – Декрета ВЦИК о революционных трибуналах (февраль 1919 г.) и Декрета ВЦИК о революционных военных трибуналах (сентябрь 1919 г.) – вносило определенную упорядоченность в систему чрезвычайной юстиции [9, с. 51]. Однако установившаяся стабильность вскоре вновь была нарушена: в марте 1920 г. принимается отдельный Декрет ВЦИК о революционных военных железнодорожных трибуналах, а в мае создаются ревтрибуналы на водном транспорте⁹.

Организационная неразбериха усугублялась отсутствием кодифицированного уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Реализовать же предоставленное им право самостоятельно преодолевать пробельность законодательства и определять меру наказания трибуналы были просто не в состоянии [10, с. 180].

Еще одним направлением деятельности являлось правосудие, реализуемое в деятельности народных судов. Здесь ситуация была еще более сложной. Согласимся с В. М. Сырых: успешная результативность функционирования судебной системы могла быть достигнута лишь при соблюдении четырех основных условий – кодификации материального законодательства, нормативном закреплении порядка организации и работы судов, создании высшего судебного органа, осуществляющего надзор за судами общей юрисдикции и предоставляющего им разъяснения по вопросам судебной практики, и формировании квалифицированного контингента судей [4, с. 142].

Поскольку все эти условия на практике отсутствовали, народный суд в рассматриваемый период был вынужден выступать в двух основных ипостасях. Во-первых, он представлял в роли законодателя, формулирующего общую норму. Во-вторых, он же являлся правоприменителем, реализующим эту норму применительно к рассматриваемому делу. К сожалению, и тому, и другому препятствовало одно объективное обстоятельство – отсутствие у судей элементарной правовой грамотности. Их «революционное правосознание» на деле ничем не отличалось от обыденного.

Результатом стали многочисленные факты принятия народными судами самых различных решений по однотипным делам. Данная ситуация усугублялась тем, что каждый народный суд действовал самостоятельно, вне связи

⁸ Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 53.

⁹ Лишь в июне 1921 г. все они были объединены в единую структуру Трибунала Республики.

с другими звеньями системы, а совет местных судей, кассационная инстанция на уровне города либо уезда совершенно не владели информацией о судебной практике судебных органов на территории иной административно-территориальной единицы. К тому же в системе народных судов отсутствовал высший судебный орган, способный проводить работу по изучению и обобщению судебной практики. В такой ситуации как нельзя кстати сравнение народных судов с протосудами времен Русской Правды, приводимое в работе В. М. Сырых. И отсутствие развитого законодательства, и низкий профессионализм судей, и партикулярный порядок рассмотрения дел и принятия по ним решений – все это очень напоминает времена Суда Ярослава Владимировича.

Отдельной характеристики заслуживает законотворческая функция. Совершенно очевидно, что суды способны ее реализовывать в случае наличия пробелов в законодательстве, исходя из аналогии права, аналогии закона или согласно субсидиарному правоприменению. В рассматриваемый же период право, и гражданское, и уголовное, по факту не было сформировано даже на уровне основных положений. Соответственно аналогия была абсолютно бесполезна, а вся законотворческая функция представляла собой чистую фикцию. Не случайно советское законодательство не знает ни одного закона, который был бы подготовлен по материалам обобщения судебной практики этого периода.

Реализация функции обеспечения доступности правосудия была возможна опять-таки при исполнении нескольких условий: законодательное закрепление порядка обращения граждан в суд, профессиональное и быстрое рассмотрение дела беспристрастным судом на основе действующего процессуального законодательства, а также возможность получения квалифицированной юридической помощи на всех этапах судебного процесса [11, с. 79].

Следует учитывать и факторы экономического порядка. Во-первых, у человека должна была существовать возможность реального возмещения судебных расходов, а человек малоимущий мог рассчитывать на освобождение от таковых. Во-вторых, необходимо было установить государственное финансирование судов, обеспечивающее как заработную плату работникам, так и создание материальной базы для судебной деятельности. В-третьих, нужно было обеспечить территориальную приближенность судов к населению.

Из названных условий реализовано было только последнее – суды были созданы на территориях уездов и городских районов. Прочие же условия остались на бумаге; вместе с ними был предан забвению и сам принцип доступности. Ни в одном нормативном акте времен Гражданской войны этот принцип более не упоминался, и иногда создается впечатление, что не только население страны, но и само большевистское руководство позабыли ранее декларированные цели¹⁰.

Добавим к этому и тот факт, что в течение целого года законодательно не был определен суд, рассматривающий гражданские дела с ценой иска более 3 тыс. руб. и уголовные дела по обвинению в преступлениях, предусматривающих наказание свыше двух лет лишения свободы. Согласно Декрету о суде № 2, таковым должен был стать Окружной суд, в большинстве губерний такая судебная инстанция так и не была образована.

Функцию поголовного привлечения трудящихся к исполнению судебных обязанностей можно рассматривать в качестве частично реализованной в сфере правосудия, но лишенной особой популярности в глазах населения. Отметим, что, с одной стороны, народные судьи, члены революционных трибуналов и народные заседатели действительно избирались из числа трудящихся элементов города и деревни, а все «неопороченные граждане» были наделены правом участия в процессе в качестве обвинителей и защитников. С другой стороны, в процессе реализации этого права выяснилась одна интересная особенность: все наделявшиеся им граждане не торопились его реализовывать. Это привело даже к появлению в Уголовном кодексе 1926 г. специальной нормы, устанавливающей ответственность за уклонение от исполнения обязанностей народного заседателя.

Последняя функция, заключавшаяся в постепенной замене системы уголовных наказаний мерами общественного воздействия, была рассчитана на длительную перспективу. Необходимо при этом отметить общую иллюзорность представлений о том, что воспитательная функция может реализовываться исключительно с помощью воспитательных мер. Кроме того, характер советского политического режима способствовал тому, что воспитательная функция советского правосудия, осуществляемая в форме общей и частной превенции, играя определенную позитивную роль, удерживала ту или иную часть общества от противоправных деяний, но коренным образом изменить ситуацию не могла [12, с. 285].

Заключение

Целеполагание в сфере правосудия советским государством формировалось на основе доктринальных принципов марксистского правопонимания, но осуществлялось по факту чисто эмпирически, в зависимости от конкретно-исторических условий. Анализ функциональной направленности судебной политики свидетельствует о том, что в период гражданской войны в полной мере была реализована только репрессивная функция. Реализация остальных пяти функций оказалась деформирована полностью или частично, т. е. требуемые условия их реального осуществления не были созданы по объективным или субъективным причинам. Так, правосудие, осуществляемое народными судами, было деформировано из-за возложенной на них обязанности одновременно выполнять функции законодательной и судебной власти и непрофессионального состава судей. Правосудие для населения стало доступным лишь частично; не удалось

¹⁰ Известия ЦК РКП(б). 1919. № 2. Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. Приложение.

вовлечь всех трудящихся в сферу правосудия, как того требовала Программа РКП(б). Воспитательные меры народных судов не смогли снизить преступность до уровня, позволяющего заменить наказание мерами воспитательного характера. Налицо, таким образом, явное противоречие между учредительными нормами советского законодательства о суде и правовыми реалиями эпохи гражданского противостояния.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Гаврилов С. О. – проведение исследования (60 %), сбор и обработка данных из источников, анализ материалов, подготовка первого варианта статьи, редактирование и подготовка окончательного варианта статьи. Величко А. М. – проведение исследования (40 %), сбор и обработка данных из источников, анализ материалов, подготовка первого варианта статьи.

Contribution: S. O. Gavrilov performed the research (60%), collected and processed the data, analyzed the materials, prepared the draft of the manuscript, and edited the final version of the article. A. M. Velichko conducted the research (40%), collected and processed the data, analyzed the materials, prepared the initial version of the article.

Литература / References

1. Трофимов В. В. Доктринальные основания муниципально-правовой политики: социолого-эмпирический компонент. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2009. № 8. С. 7–11.
Trofimov V. V. Doctrinal foundations of municipal legal policy: sociological and empirical component. *Gosudarstvennaia vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2009, (8): 7–11. (In Russ.)
2. Марченко М. Н. Советское и постсоветское государство и право: сравнительно-правовое исследование. М.: Проспект, 2018. 365 с.
Marchenko M. N. *Soviet and post-Soviet state and law: a comparative legal study*. Moscow: Prospekt, 2018, 365. (In Russ.)
3. Троцкий Л. Д. Сталин. М.: Терра, 1990. Т. 2. 303 с.
Trotsky L. D. *Stalin*. Moscow: Terra, 1990, vol. 2, 303. (In Russ.)
4. Сырых В. М. История суда и правосудия в России. Т. 6: Судостроительство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы). М.: Норма, 2021. 664 с.
Syrakh V. M. *History of court and justice in Russia. Vol. 6: Judiciary and legal proceedings of the RSFSR during the formation of Soviet power (1917–1920)*. Moscow: Norma, 2021, 664. (In Russ.)
5. Гаврилов С. О. Институциональные основы и региональные особенности советской адвокатуры в период с 1917 до начала 60-х гг. (на примере Западно-Сибирского региона): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 236 с.
Gavrilov S. O. *Institutional foundations and regional features of the Soviet Bar in the period from 1917 to the early 1960s (the case of the West Siberian region)*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2017, 236. (In Russ.)
6. Ратьковский И. С. Хроника красного террора ВЧК: карающий меч революции. М.: Яуза, 2017. 319 с.
Ratkovskii I. S. *Chronicle of the red terror of the Cheka: the punishing sword of the revolution*. Moscow: Iauza, 2017, 319. (In Russ.)
7. Коровин В. В. История отечественных органов безопасности. М.: Инфра-М, 1998. 253 с.
Korovin V. V. *History of domestic security agencies*. Moscow: Infra-M, 1998, 253. (In Russ.)
8. Загорский Г. И. Создание и развитие революционных военных трибуналов. 40 лет военно-юридического образования в СССР, отв. ред. В. Ф. Новиков. М.: Изд-во Воен. ин-та, 1977. С. 181–190.
Zagorskii G. I. *Creation and development of revolutionary military tribunals. 40 years of military legal education in the USSR*, ed. Novikov V. F. Moscow: Publishing house of the Military Institute, 1977, 181–190. (In Russ.)
9. Позднякова А. С. Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918–1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2015. 199 с.
Pozdnyakova A. S. *Activities of the Vyatka Provincial Revolutionary Tribunal in 1918–1922 as a factor in stabilizing the power of the Bolsheviks in the region*. Cand. Hist. Sci. Diss. Kirov, 2015, 199. (In Russ.)
10. Петухов Н. А. История военных судов России. М.: Норма, 2005. 345 с.
Petukhov N. A. *History of Russian military courts*. Moscow: Norma, 2005, 345. (In Russ.)
11. Герасимова А. А., Терехин В. А. Развитие функций судебной власти. *Судебная реформа в России на рубеже XX–XXI веков*, под ред. В. А. Терехина. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 74–87.
Gerasimova A. A., Terekhin V. A. *Development of the functions of the judiciary. Judicial reform at the turn of the XX–XXI centuries*, ed. Terekhin V. A. Moscow: Iurlitinform, 2017, 74–87. (In Russ.)
12. Новицкая Т. Е. История отечественного государства и права. М.: Норма, 2017. Ч. 2. 735 с.
Novitskaya T. E. *History of domestic state and law*. Moscow: Norma, 2017, pt. 2, 735. (In Russ.)